

Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан)

Сагитова Л.В.

Предисловие.

Пятнадцать лет не такой большой срок для истории, так же, впрочем, как и семьдесят лет. Однако динамика событий, происходивших и происходящих на территории современной России и бывшего Советского Союза, привлекает внимание исследователя небывалыми по масштабу и иногда парадоксальными по содержанию трансформациями массового сознания. В первую очередь, это касается идентичности граждан бывшей советской империи, так быстро отказавшихся от самоидентификации «советский народ» в пользу локальных, или региональных идентичностей. Причем, в некоторых регионах постсоветской России региональная (этническая) идентичность отстаивается сегодня с оружием в руках, становясь одним из труднооспариваемых аргументов в тлеющих, или уже разгоревшихся межэтнических конфликтах.

Что повлияло на столь быструю смену общегражданской (советской) идентичности на региональную, или этническую идентичность людей? Какие события и силы играют ведущую, или подчиненную роль в происходящих трансформациях? Каковы инструменты, и можно ли найти механизм, помогающий этой трансформации? В предлагаемой мною статье я попытаюсь найти ответы на поставленные вопросы, используя свой опыт и наблюдения, которые удалось накопить в ходе этносоциологических исследований, проводившихся в Татарстане, начиная с конца 1980-х годов.¹

Несколько причин обусловили интерес исследователей к региональной идентичности Татарстана. Первая из них связана с тем, что Татарстан, одним из первых в числе автономий заявил о самостоятельности и был лидером в «параде суверенитетов», после первой волны национализма в союзных республиках. Вторая причина – мирное урегулирование проблем, как на уровне Федерации, так и во внутривнутриполитической жизни в сфере межэтнических отношений. Третья - связана с религиозным фактором, поскольку на территории республики мирно уживаются две конфессии - христианство и ислам. И четвертая, универсальная, связана с изучением изменений в культуре в трансформирующемся постсоветском обществе.

Большая часть опубликованных работ посвящена политической идентичности Татарстана. Зарубежных исследователей прежде всего интересовал процесс федерализации постсоветской России, и Татарстан они избирали в качестве одного из показательных примеров². Российские исследователи проводили компаративные исследования, выявляя специфику государственной идентичности Татарстана в сравнении с другими субъектами Федерации³. Если говорить о работах, написанных республиканскими учеными, то, как и следовало бы ожидать – это взгляд изнутри, попытка выявить свою неповторимую, региональную идентичность. Среди них можно назвать работы Хакимова Р.С. и Исхакова Д.М., в которых авторы, используя историческую перспективу пытаются выявить, а где то и показать свое

видение новой идентичности Татарстана, а вслед за этим, определить его место в современной России и мире⁴.

Актуальность политологического подхода к предмету связана с динамично меняющейся политической конъюнктурой процесса федерализации России, проблемами строительства федерации и самоопределения ее субъектов в новых социально-экономических и политических условиях. Однако, не менее интересен и актуален культурологический подход, который использовали в своем исследовании авторы сборника «Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг.» Пожалуй, тема и предмет этого исследования наиболее близки заявленной мной теме. Авторы используют различные фокусы в исследовании культурной трансформации в регионе. В большинстве статей сборника главный акцент ставится на этнической культуре и идентичности титульной нации – татар. В них прослеживается, как «отстаивается национальная идентичность на «культурной арене», через политику языковой реформы и развитие национальных масс-медиа в Татарстане⁵. Смысл и содержание этнонациональных ценностей с точки зрения «культурных посредников» (журналистов, писателей, артистов, художников и т.д.) на основе экспертных интервью раскрывает С.Шайхитдинова⁶. Л. Низамова убедительно показывает роль СМИ в легитимации созданного в начале 90-х гг. социального института (Всемирный Конгресс татар), который был призван поддержать и закрепить этнические ценности и идентичность татар.⁷ В целом, в названных работах используется преимущественно культурологический подход для анализа процесса трансформации в сфере культуры в республиканском сообществе.

Для меня в предпринимаемом анализе было важно соединить две взаимосвязанные составляющие процесса формирования региональной идентичности. Как известно, формирование региональной идентичности связано с внутривластным процессом передела властных полномочий между Центром и регионами. Основным импульс трансформации был задан политическими элитами. Поэтому интересы региональной, татарстанской элиты можно отнести к динамической составляющей процесса формирования республиканской идентичности. Однако, масштабные социальные изменения невозможны без подготовленной социальной почвы – интересов и настроений большинства населения региона. Это – инерционная составляющая процесса.

Без анализа взаимодействия названных сторон, выявления соотношения их интересов, рациональных и эмоциональных мотиваций сложно представить социально-психологическое основание региональной идентичности, без которого, в свою очередь, трудно определить границы и возможности процесса конструирования. Таким образом, выявление факторов, влияющих на процесс конструирования региональной идентичности в современном Татарстане является основной целью моего исследования. Поскольку главным субъектом процесса формирования идентичности являются элитные группы, которые генерируют идеологический дискурс и транслируют его через средства массовой информации, то предметом исследования стала деятельность республиканской прессы.

Теоретические основания анализа.

Анализируя ситуацию конструирования новой идентичности в Татарстане, я использовала, в качестве рамочной, теорию социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана⁸. Возможность ее использования в качестве основы связана с тем, что в ней наиболее полно раскрывается многомерность и диалектичность процесса конструирования, где субъект конструирования является одновременно и его объектом.

Выделяя этнические ценности в качестве второго объекта исследования, нельзя обойти вниманием теории национализма. Концепции, относящиеся к "конструктивистскому" направлению объединяет то, что в каждой из них значительное место уделяется анализу деятельности интеллектуалов. Вейль группу интеллектуалов, занимавшихся формированием идеологий национализма, называет «брокерами от культуры»⁹. Б.Андерсон, анализируя влияние властных элит и интеллигенции на становление национализма, акцентировал роль печатного капитализма, который обусловил появление и распространение национального мировоззрения. Благодаря печатному слову на определенном языке люди осознавали свое единство, "воображая" себя как нацию. Он выделил, в качестве показательных, две формы книжного дела - роман и ежедневную газету. Именно через них люди получают информацию о территории своего государства /или провинции/ и ощущают живую связь с этим пространством, осознают его как национальное. По Андерсону, конструирование сообщества, нации с помощью слова в виде газетного текста не является преднамеренной деятельностью, так как образы распространяются, а не навязываются. Читатели и пишущие связаны лишь взаимным пониманием, а издатели заинтересованы в большом тираже своей продукции¹⁰.

Конструктивистская роль элит, в первую очередь, этнографов, фольклористов, историков, наиболее ярко показана в статьях авторов сборника "Изобретение традиции" под редакцией Э. Хобсбаума. Его авторы склоняются к идее манипулирования культурными символами. Интеллигенция, черпая из неоформленного запаса культуры, сознательно моделирует национальную культуру. Э. Хобсбаум убежден, что многое из того, что субъективно относится к нации, состоит из конструктов. Ученый выделяет три параллельных типа вымышленных традиций:

1) те, что устанавливают или символизируют общественную связь или групповое членство в реальных или выдуманных общностях;

2) те, которые устанавливают или узаконивают институты, статусы или отношения авторитета;

3) и те, главной задачей которых являлась социализация, внушение веры, системы ценностей и модели поведения¹¹.

Если соотнести типологию Хобсбаума с теорией социального конструирования Бергера и Лукмана, то обнаруживается, что первые два типа составляют содержание процесса легитимации (конструирование объективной реальности), а последний имеет непосредственное отношение к процессу конструирования субъективной реальности.

О феномене идентичности.

Сам по себе феномен идентичности, в качестве социальной функции, имеет двойную направленность. С одной стороны, он является инструментом для поддержания субъективной реальности отдельной личности. С другой стороны, идентичность может использоваться в качестве инструмента в социальной инженерии у влиятельных социальных групп.

Акцентирование этих двух проявлений идентичности важно потому, что оба названных направления взаимно переплетаются и влияют друг на друга. В моем исследовании это имеет значение еще и потому, что в используемых мной теориях национализма Б.Андерсона, Э.Хобсбаума и Э.Геллнера во главу угла ставится конструктивистская деятельность элитных групп (правлящей элиты, бюрократии и интеллигенции) в формировании официального, или народного национализма. И совсем мало места уделяется исследованию того инструмента, с помощью которого закрепляется лояльность государству и сообществу, в котором живет человек. Речь

идет о функционировании идентичности на уровне личности. Как правило, эта приватная сфера идентичности совсем не просматривается на фоне эпических движений масс.

Выпадение из контекста глобальных социокультурных сдвигов стратегии развития отдельной личности не позволяет обнаружить свойств самой социальной ткани, состоящей из совокупности множества отдельных биографий. Но это – та самая ткань, которую кроют социальные «инженеры». Эта «ткань», помимо прочих, имеет такое свойство, как инертность. И именно это свойство выполняет роль ограничителя в конструктивистских усилиях «инженеров», становясь значимым фактором в процессе формирования, или изменения идентичностей.

Детальное описание механизма формирования идентичности, как субъективной реальности, содержится в теории П. Бергера и Т. Лукмана. Свойства субъективной реальности формируются в процессе первичной социализации. Именно эта веха биографии личности содержит в себе зерно инертности, поскольку в этот период конструируется первый мир индивида, которому присуще особое качество устойчивости. Стабильность ему придают культурная среда и родной язык.

Язык при этом представляет собой наиболее важную часть и наиболее важный инструмент социализации¹². Через него постигается мир, на нем основаны, как внешние коммуникации, так и процесс мышления личности. В отличие от других языков, которые личность постигает в процессе вторичной социализации, только язык детства имеет эмоциональное свойство «материнского языка». Пожалуй, в этом можно разглядеть объяснение и ответ не расшифровываемого Э. Геллнером утверждения, которым он характеризует роль СМИ в распространении национализма. Он отвергает значимость СМИ в этом процессе как только технического средства, "когда печатное слово или другие подобные средства помогают ей (национальной идее - С.Л.) добраться до аудитории в отдаленных долинах, глухих деревнях и поселках." Также он опровергает значимость содержательного компонента в СМИ: "Значение того, что в них закладывается, ничтожно мало: сами средства, как и повсеместная необходимость абстрактной, централизованной, стандартизированной единой для всех информации, автоматически выражает главную идею национализма совершенно независимо от того, что именно было заложено в конкретное переданное сообщение ... Самым существенным оказывается язык и стиль общения, так как только тот, кто может их понять или хотя бы может получить такую возможность имеет моральные и экономические основания быть членом сообщества, а тот, кто не может - не имеет. То, что на самом деле говорится, не существенно"¹³.

«Материнское» свойство языка придает ему характер исключительности в ситуации конкуренции с другими языками. Не случайно, Бергер и Лукман обращают внимание на то, что «это редкость, когда язык, выученный позднее, приобретает статус столь же неизбежной, самоочевидной реальности, что и первый язык, выученный в детстве»¹⁴.

Ситуация языковой конкуренции обостряется в период вторичной социализации в том случае, если родной, «материнский» язык не совпадает с тем, на котором основана доминирующая «высокая культура». Особую остроту конфликт приобретает тогда, когда язык и основанная на нем культура становятся ресурсом для успешного социального продвижения и социального положения в обществе. Для исследования нашего случая многое помогает описываемая Геллнером динамика конкуренции национальных культур в условиях модернизирующегося общества.¹⁵ Геллнер вводит в свою концепцию понятие "высокая культура". Термин обозначает обладающую своей письменностью, основанную на образовании, гарантированную государством культуру. По Геллнеру, причина стремления к обретению каждой национальной культурой государственных границ связана с

огромной ролью информации, языка, всего семиотического ряда современной национальной культуры для социального положения в обществе¹⁶.

Однако, описанный Бергером и Лукманом механизм формирования идентичности в период первичной социализации личности и ситуация конкуренции «высоких культур» по Э.Геллнеру не исчерпывают всего спектра объяснений актуализации этнического компонента в процессе самоидентификации личности. Обращение к теории Ф. Барта,¹⁷ сделавшего акцент на значении социальной организации и социального взаимодействия в процессе группового этнического отождествления, дает дополнительный фокус в исследовании этнической идентичности.

В контексте задач моего исследования, важны несколько его положений. Первое – это вывод о том, что определителем для членства в группе становятся социально - задаваемые факторы, в основе которых лежит феномен категориального приписывания, а не «объективно» существующие культурные различия. Во втором, автор оговаривает условие, которое для моего анализа становится одним из ключевых: этнические категории как при самоидентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как значимые.¹⁸

Как известно, этнические категории могут действовать на уровне межличностного взаимодействия (сфера повседневности) и на идеологическом уровне. Рассматривая второй уровень, можно предположить, что значимость тем, или иным этническим категориям придают акторы, действующие в сфере публичности – «символьная»¹⁹ и властная элиты. Они конструируют систему отношений этнических групп, которая закрепляется и легитимируется посредством официальной идеологии. Таким образом, придание значимости определенным этническим категориям становится одним из способов для формирования и поддержания системы господства – подчинения. Одним из ее проявлений является закрепление соотношения этносоциальных групповых статусов.

Эффективным инструментом, с помощью которого актуализируются, закрепляются и обретают значимость этнические категории становится оппозиция «мы - они». Универсальность этого психологического механизма – в его действии на всех уровнях социальной организации: самоидентификация на уровне личности («я» и «они»); на групповом уровне он устанавливает отличительность группы от других; и он же действует в формировании установок массового сознания в качестве инструмента идеологии. Выигрышность его использования в качестве операциональной категории в предпринимаемом исследовании в том, что с его помощью можно не только определить «как» актуализируются этнические категории, но и «почему» они работают на личностном уровне, или выносятся на уровень идеологии.

Таким образом, опираясь на теоретические посылы Барта, в ходе анализа предполагается выявить содержание основных этнических категорий с помощью которых очерчивается граница этнической группы и формируется региональная идентичность в Татарстане. Наряду с этим, будет определяться каким образом и почему этнические категории закрепляют систему господства – подчинения в соотношении этносоциальных групповых статусов.

Логика исследования требует междисциплинарного подхода, когда наряду с этнологическим, используется социально-психологический и исторический подходы. Ведь этничность, как правило, ориентируется на прошлое, а категории этничности обязательно конструируются на основе “исторических корней”.

Гипотезы и задачи исследования.

Первичный анализ собранного материала позволил сформулировать гипотезы исследования:

1. Конструктивистская деятельность элитных групп по формированию региональной идентичности имеет под собой социологическое основание, характеризующееся действием политического, социально-экономического и этнокультурного факторов.

2. Ситуация «доминирования – подчиненности» в сосуществовании «высоких культур» этнического большинства и этнического меньшинства и характер конкуренции между ними предопределяют насыщенность этнического компонента в структуре региональной идентичности.

3. Конструируемая государством система господства - подчинения в соотношении групповых этносоциальных статусов придает значимость определенным этническим категориям не только в идеологической сфере, но и в сфере обыденности. Тем самым, этнические мифы могут закрепляться, на личностном уровне, приобретая черты рациональности.

4. Конфликтность, или комплиментарность гражданского и этнического компонентов в структуре региональной идентичности зависят от эффективности стратегий: федерального правительства по отношению к национальной культуре татар на общенациональном уровне и республиканского правительства по отношению к русским в Татарстане.

Задачи исследования состояли в следующем:

1. Дать характеристику основным участникам процесса конструирования этнической идентичности.
2. Рассмотреть, какие интересы участвующих групп влияют на процесс конструирования региональной идентичности.
3. Определить зоны совпадения их интересов.
4. Показать значимые политические события, влияющие на вектор формирования республиканской идентичности.
5. Выявить этнические категории, которым придается особая значимость в процессе конструирования региональной идентичности.
6. Рассмотреть приемы, которыми пользуются республиканские СМИ в своей деятельности.
7. Рассмотреть, как действует оппозиция «мы – они» на всех уровнях (личностном, групповом, идеологическом) формирования этнической идентичности.
8. Выявить объективные и субъективные причины актуализации этнических ценностей в современном Татарстане.
9. Выявить историческую преемственность в актуализации стратегий этнонациональной идентичности у современных татар.
10. Определить, чем обусловлена реанимация дореволюционного этнонационалистического дискурса в современных условиях.
11. Рассмотреть, какие этнические категории задействованы в формировании государством системы господства – подчинения, и как это сказывается на соотношении этносоциальных групповых статусов.

Источники и методы исследования.

Поскольку в исследовании анализируется конструктивистская деятельность элитных групп, то в качестве источника была избрана республиканская пресса, поскольку именно ежедневная газета, транслируя идеологию власти, делает ее частью обыденности. Почему была выбрана пресса, а не электронные СМИ, влияние которых растет с каждым днем?

Дело в том, что дискурсы, (как официальный, так и оппозиционные ему), влияющие на формирование региональной идентичности начали складываться со второй половины 1980-х годов. В этот период в республике особенно активна была пресса, поскольку на долю местного телевидения приходилось всего 3 часа в день. Кроме того, именно пресса была тогда более свободна в выражении своих взглядов. Сегодня, несмотря на то, что в республике увеличилось время вещания местного телевидения и радио, и появились новые популярные каналы, пресса сохраняет свою аудиторию. Татарстан вторую подписную кампанию подряд (2000, 2001гг.) занимает первое место по количеству подписчиков на 1000 человек населения по Российской Федерации – 625,2 экз.. В то время, как в среднем по России эта цифра составляет 216 экз. (на 1000 чел.). Разовый тираж газет в Татарстане сегодня составляет 2 млн.329 тысяч экземпляров.²⁰

И еще одна причина повлияла на мой выбор. Республиканская пресса в тех, или иных аспектах анализировалась мною на протяжении 13 лет, поэтому была возможность проследить динамику подачи тем и дискурсов, связанных с формированием региональной идентичности. При этом немаловажное значение имела сопоставимость данных, которая оказалась возможной, поскольку ряд изданий (о них будет сказано ниже) неизменно оставался в поле зрения.

Мною был избран путь сочетания двух методов при анализе республиканского информационного поля – традиционного контент-анализа и дискурсивного анализа текстов. Первый – помогал выявить интенсивность подачи этнической информации и проводился по специально адаптированной для сбора этнической информации специальной методике «Формуляр», разработанной московским этнологом В.К. Мальковой.²¹ Но все же основной акцент делался на интерпретативном прочтении публикаций, поскольку задачи исследования требовали выявления смысловых конструкций, с помощью которых субъекты идеологического поля придавали значимость тем, или иным этническим категориям в формировании этнического самосознания в структуре региональной идентичности.

При отборе изданий учитывались такие параметры, как распространенность газеты в республике (ее тираж); продолжительность ее существования; язык издания (русский или татарский); кому принадлежит издание, является оно государственным, или относительно независимым. Кроме того, учитывалось, какая аудитория – сельская или городская – преимущественно читает то, или иное издание.

Всего было отобрано четыре периодических издания: официальные: «Республика Татарстан» и «Ватаным Татарстан» и относительно независимые издания: «Вечерняя Казань» и «Татарстан яшьляре»²².

Краткая характеристика изданий. Если официальные издания, «Республика Татарстан» и «Ватаным Татарстан» в целом сдержанны и политически корректны, то газеты «Вечерняя Казань» и «Татарстан яшьляре» более свободны в выражении своих стратегий. Газета «Вечерняя Казань» носит статус закрытого акционерного общества и зарегистрирована в Госкомпечати Российской Федерации, в Москве, что обесценивает ей независимость от республиканских властей. «Татарстан яшьляре» - учреждена Советом молодежных организаций РТ и редакционным коллективом - находится на полной самоокупаемости. Популярность им обеспечивает небольшой объем – это четырехполосные (иногда с добавлением одной - двух страниц) газеты с выходящей один раз в неделю «толстушкой». Это и отсутствие больших публикаций. В газетах можно прочитать короткую информацию о самом актуальном в городе и республике. Кроме того, «Татарстан яшьляре» с 2001 года выходит в цвете. Позиция личностной включенности, комментарии и отношение журналистов коллективов редакций к происходящему – все это, наряду с перечисленным выше, обеспечивает довольно высокий рейтинг изданий на читательском рынке республики. Обе газеты имеют высокую для республики

тиражность. Внимание к газетам «Вечерняя Казань» и «Татарстан яшьляре» в течение нескольких лет дает основание рассматривать эти издания в качестве самостоятельных акторов на республиканском информационном поле. Их показательность в контексте моего исследования выражена в том, что оба они представляют два ярко выраженных полюса в оценке происходящих изменений в Татарстане по осям: «центр – регион», «гражданская – этническая» идентичности. Поэтому, в качестве источников, они используются чаще, чем другие издания²³

Кроме того, в качестве источников использовались данные: массовых этносоциологических опросов (1994, 1996, 1999, 2002 гг.), контент-анализ читательских писем²⁴, экспертные интервью у представителей власти, журналистов и редакторов республиканских изданий, взятые мною в ходе реализации авторских проектов (1997, 2001-2002гг.), статистические данные, официальные документы и выступления представителей власти и национального движения в Республике Татарстан.

Социальные группы и их интересы.

Процесс складывания региональной (республиканской и этнической) идентичности в постсоветском Татарстане имеет своих акторов. Степень их участия и заинтересованности в формировании своего регионального «Я» обуславливается различными факторами и мотивами. Конфигурации сосуществования официальной (республиканской) и приватной идентичностей могут быть различны. Они могут конфликтовать, стремясь к взаимоисключению, конкурировать, или образовывать некий симбиоз. В свою очередь, та, или иная форма диспозиции зависит от интересов субъекта, его ресурсов, статуса и внутренних мотиваций. Именно эти факторы и составляют суть социологического основания процесса формирования идентичностей. Они же влияют на распределение ролей участников. Одни из них относятся к группе генераторов. Есть стимулирующие группы и есть пассивные потребители.

Для меня, в моем исследовании, важны все группы участников, ибо все они участвуют в коммуникационном процессе. Элитные группы подразделяются: на властную элиту, которая задает основной вектор социальных преобразований в республике, и интеллектуальную элиту, которая генерирует идеологию, подтверждающую официальную стратегию, или же, наоборот, находится в оппозиции к ней. К стимулирующим группам относятся те, кто заведует каналами распространения идеологии, этнических и региональных ценностей и символов. К ним можно отнести СМИ, систему образования и культуры. И третья группа-реципиент - те, на кого направлено воздействие. Но более подробно следует остановиться на характеристике главных участников процесса формирования региональной идентичности.

Властная элита.

Интересы и мотивации действий этой группы определяются сочетанием ее внутренних, сущностных характеристик и динамикой политической ситуации в постсоветской России. Характеристикой, которая определяет стратегию действий рассматриваемой группы, является ее номенклатурное происхождение. Так, по данным М. Х. Фарукшина, представители бывшей номенклатуры в правящей элите Татарстана составляют 92%²⁵. По данным Г.М.Мансуровой, анализировавшей более широкий круг политической элиты республики, их число составляет 59,9%²⁶.

Сложившийся режим взаимоотношений между Москвой и Татарией в советское время отчасти напоминал отношения метрополии и колоний по Б.

Андерсону. Сходство было в том, что Москва обладала бесспорным правом на монополию во всех сферах жизни: политической, экономической и культурной. А советская модель карьерного роста имела черты сходства с карьерным «путешествием» абсолютистского функционера, когда не принадлежность к высшему классу давала шанс подняться по социальной лестнице, а честолюбие, талант, внутренняя экспрессия и демонстрация лояльности государственному режиму.

Кроме того, вследствие политики коренизации, начавшейся в 1920 г., в административный аппарат, наряду с русскими, вводились представители «коренной нации» – татары. Благодаря сложившейся модели селекции управленческих кадров, (которая воспроизводилась и в перестроечный период), высший управленческий слой состоял в большей мере из представителей титульной нации²⁷.

Какие факторы влияли на формирование групповой идентичности этого слоя в советское время? Ответ на этот вопрос поможет нам не только реконструировать корпоративное самосознание его представителей, но и вычленил интересы первостепенной и второстепенной важности. А они, как правило, определяют мотивы поведения и деятельности исследуемой нами группы бюрократов.

На мой взгляд, существенную роль могли играть несколько факторов: кадровая политика Центра, ранжирование республик и областей, культурно-языковая дифференциация и степень экономической самостоятельности региональной элиты.

В советское время кадровая рокировка внутри республиканского управленческого слоя полностью зависела от Центра. Назначение на партийную или управленческую должность согласовывалась в Москве. Кроме того, доступ к получению должности в самой столице провинциальному функционеру был крайне затруднен. Положение осложнялось существованием негласных установок, действовавших внутри высшего партийного бюрократического слоя. Память о пассионарности татар (претензии татар на собственную государственность, начиная с проекта штата Идель-Урал в 1918 г., требование в 1936г., 1954г., и 1977г. повышения статуса республики до союзного) выработала опасливое к ним отношение.

Важное значение имела и культурно-языковая дифференциация. Республиканская бюрократия систематически пополнялась выходцами из села (по данным Г.М.Мансуровой, в руководстве Татарстана выходцы из сельской местности составляют 73%)²⁸. А сельчане воспитывались и получали образование на родном татарском языке. Плохое владение русским языком становилось барьером в карьерном росте за пределами республики. Провинциальную идентичность функционера усиливала действовавшая иерархия «столица – провинция». А издержки отчужденности от «столичности», русского языка и городской культуры компенсировала комфортность и комплиментарность родственного окружения, имеющего общее сельское происхождение.

Региональная идентичность функционеров стимулировалась и системой ранжирования территорий, образующих СССР. Так, союзные республики получали большее финансирование, больше прав и возможностей поддерживать культуру населяющих их народов, по сравнению с автономными республиками. Ниже шли области и автономные округа.

Описанное ранжирование воспроизводилось и во всем укладе внутренней корпоративной культуры государственных чиновников, особенно когда они приезжали в Москву. Приводимая мной цитата одного из депутатов Татарии свидетельствует о чувствительности к статусу:

«Не было равноправия и в зале заседаний Верховного Совета СССР...В 1990 году народные депутаты СССР, избранные от ТАССР, сидели в зале заседаний

*Верховного Совета СССР в последних рядах, как представители «второсортной» республики. ... В первых рядах сидели представители союзных республик, на галерке – автономных».*²⁹

Чувствительность приведенных выше факторов, тем не менее отодвигает их на второй план перед могуществом последнего фактора. Пожалуй, самым болезненным для власти, вообще любой, является ограничение самостоятельности, тем более в такой ключевой сфере, как экономическая. Татария, имея к началу 1980-х годов потенциал равный социально-экономическому потенциалу трех прибалтийских республик вместе взятых, оставляла по утвержденной модели распределения, от получаемых производственных доходов всего 2% на собственные нужды. Безусловно, сложившаяся ситуация предопределяла общность интересов республиканских функционеров высшего звена.

Общность интересов в экономической сфере усилилась в перестроечный период. Короткий период дезориентации, после декларации демократических ценностей и осуждения командно-административной системы и коммунистического режима, сменился бурной приватизационной деятельностью объектов бывшей государственной собственности. Именно в этот период обостряется оппозиция «Центр – регионы», поскольку демократические принципы нивелировали вертикаль. Приветствуемая горизонтальность отношений предполагала равенство в претензиях на собственность. Поэтому региональные элиты, в соответствии с этим, должны были получить свою долю.

Таким образом, для усиления и закрепления экономической самостоятельности региональной элите было необходимо защитить свою собственность своей же государственностью, которая существовала бы не только юридически, как это было в советское время, но и фактически. Единственным основанием, дающим такую возможность, было закрепленное в международном законодательстве право наций на самоопределение. Поэтому эффективным инструментом в процессе регионализации становится этничность.

Только она в сложившемся политическом контексте могла стать единственным основанием легитимации собственной государственности. Ее базовый индикатор - этническая идентичность. Поэтому конструктивистские усилия властной элиты были направлены на поддержку и развитие этнической идентичности татар. Собственная же этническая идентичность, которая безусловно присутствовала в личностной структуре ценностей у представителей этой группы, носила инертный характер.

Этот вывод может показаться противоречивым. Если исходить из того, что национальная принадлежность играла роль в селекции функционеров, то она должна была бы стоять на одном из первых мест по значимости в стратегии карьериста. На самом деле, имевшая значение в самом начале политики коренизации этническая принадлежность, со временем уступает место родственному или земляческому принципам селекции во власть. Помимо всего прочего приоритет сельчанина перед горожанином состоял в его бесспорной конформности. Поэтому сельчанин, попав во власть, отбирал нижестоящих функционеров не по этническому принципу, или принципу компетентности, а по принципу родства, или дружбы, когда лояльность выдвигенца была подтверждена давними связями. Надо сказать, что этот принцип был общим для всей советской России, но в русских провинциях, где население этнически однородно, он не был столь заметен.

Интеллигенция.

Активным участником процесса формирования региональной, и, в большей мере, этнической идентичности стала татарская интеллигенция. Пожалуй, это

единственная группа, интересы которой и самоидентификация глубоко встроены в генерируемый ею общественный дискурс. Интеллектуалы гуманитарной сферы всегда, косвенно или прямо, становятся участниками формирования идеологии, или же ее критиками. Процесс обслуживания идеологии, направление которой задает властная элита, не всегда однозначен. Мотивация участия в этом процессе может быть самая разная. Генерируемый дискурс может совпадать с внутренним «Я», с личностной позицией и взглядами, а может быть просто работой, необходимым средством поддержания себя в избранной социальной роли, или же средством материального обеспечения.

Возможны и дополняющие стимулы, которые носят объективный характер. К ним, в нашем случае, относятся социальное происхождение и, сложившаяся в советское время, асимметричность сосуществования «высоких культур» – общесоветской (на основе русской культуры и языка) и татарской.

Значительная часть татарской интеллигенции является «молодой интеллигенцией». По исследованиям этносоциологов, проведенным в 1970-е годы, три четверти татар-интеллигентов были работниками умственного труда в первом поколении³⁰. Эта тенденция сохраняется и среди высшего звена интеллигенции. В ходе республиканского исследования татарской творческой интеллигенции (1989–1990 гг., Д.Исхаков, Р.Мусина) было выявлено, что из общего числа опрошенных писателей – 56% респондентов составляют выходцы из села. Проведенный мной статистический анализ показал, что научная и творческая интеллигенция представлена на 60,7% - выходцами из села; на 39,3% - горожанами³¹.

У интеллигенции, имеющей сельские корни, этнический компонент в структуре ценностей был актуализирован всегда. В советское время выходец из татарского села, получивший образование на татарском языке, ощущал чувство ущербности попадая в русскоговорящий город для продолжения обучения в техникуме, или институте. В постсоветский период, когда этничность была легитимирована, владение национальным языком и культурой стало престижным достоянием в новой социальной конъюнктуре.

Еще не предпринималась попытка ответить на вопрос: почему татарская гуманитарная интеллигенция, будучи «молодой», воспитавшаяся в лоне советской культуры, вне национальной гуманитарной традиции, (как известно, почти все дореволюционное культурное наследие, в которое входили: татарская литература, общественная мысль и теология, было объявлено контрреволюционным и запрещено, а интеллектуалы, владевшие им, уехали за границу, или были репрессированы) так активно обратилась к национальному наследию с падением коммунистического режима. Ведь, как уже говорилось, так или иначе, гуманитарная интеллигенция была активным или пассивным агентом советской идеологии, или ее негласным оппонентом. Последние же встречались редко, особенно в провинции. Если в среде русской интеллигенции развивалось диссидентство и процветал андеграунд, то у татар не было ничего похожего. Наоборот, количество татар – кандидатов наук и докторов, работавших на кафедрах марксистско-ленинской философии было значительно выше, чем у русских в республике³².

Две причины обусловили такое возвращение. Первая связана с поиском новой легитимной идеологической основы, которая должна была заменить дискредитировавшую себя старую коммунистическую идеологию. Волна национализма, поднявшаяся с окраин Советского Союза – инициированная союзными республиками, стала тем прецедентом, на который можно было опереться. Этничность, по сравнению с ушедшей идеологией, имела длительную традицию, и ее остатки, в виде сохранившихся народных обычаев, фольклора и родного языка, в какой-то мере были включены в повседневность. Тем самым, эти значимые элементы составляли основу групповой солидарности для тех, кто являлся их носителем.

Вторая причина была связана с исторической традицией, заложенной еще в эпоху имперской России и продолженной в еще более ужесточенной форме в советскую эпоху. Речь идет об искажении истории татар, которая перекраивалась и дополнялась в соответствии с идеологическими соображениями партийной элиты. В соответствии с канонами советской истории, Золотая Орда трактовалась как хищническое паразитическое государство, но при этом в учебниках по истории отсутствовала сама история Золотой Орды.³³ Тиражированная школьными учебниками негативная оценка татар формировала соответствующее представление о татарах у народов России и ущербную самооценку у носителей этнонима. Сюжеты о таких формах дискриминации присутствовали как в социологических интервью, так и на страницах прессы в период этнического ренессанса. Вот один из ярких примеров – воспоминания писателя и журналиста, активного защитника суверенитета, Разиля Валеева:

«1967 год. Разиль Валеев – студент первого курса московского Литературного института им. М.Горького. В институте училось всего 125 человек – в основном из союзных республик. Из Татарстана он один. (!)

И вот идет лекция по истории Коммунистической партии Советского Союза. Читает ее бывший секретарь по идеологии Сталинградского обкома партии, а ныне профессор Водолагин. Вдруг... Валеев не поверил своим ушам! Профессор назвал предателями всех крымских татар! Более того, все татары на его взгляд, не только крымские, крайне сомнительный народ, всегда враждебно относятся к русским. Недаром казанских татар готовили к выселению...

Услышав все это, Разиль, оскорбленный, встал с места и громко сказал:

- Я вашу лекцию больше слушать не могу!

И направился к выходу. И тут случилось невероятное. За Валеевым без раздумий один за другим покинули аудиторию бурят, калмык, монгол, негр, поляк... Набралось человек восемь, хлопнувших дверь. Лекция была сорвана»³⁴.

Несомненно, такое внешнее приписывание черт закрепляло этническую идентичность и усиливало внутриэтническую солидарность.

Все эти причины явились стимулами для того, чтобы национальная интеллигенция активно включилась в процесс формирования региональной этнической идентичности на массовом уровне. Апелляция к массовой поддержке в оскорбленных национальных чувствах получала эмоциональный отклик читателей в силу сходства опыта и отсутствия дистанции между читающими и пишущей «молодой» интеллигенцией.

Конструктивистская деятельность республиканских средств массовой информации.

Рассматривать СМИ как механический инструмент передачи ценностей было бы упрощением. Как оказалось, даже их институциональные характеристики имеют значение, отношения собственности между учредителями, не говоря уже о характеристиках журналистского корпуса и читательской аудитории.

Для начала – немного статистики. В постсоветский период заметно выросло количество республиканских изданий. Если в 1985 г. выходило 147 газет и 14 журналов, то на 01.01.2001 г. в Татарстане выходит 419 периодических печатных издания. Из них: газет – 314 (74,9%), журналов – 85 (20,3%), прочих – 20 (4,8%). На русском языке выпускается 234 издания (55,8%); на татарском – 51 издание (12,2%); на русском и татарском языках – 105 изданий (25,1%)³⁵.

Большое влияние на деятельность СМИ оказали процесс демократизации и утвердившиеся рыночные отношения. В первую очередь, это разрушило монополию

государства на СМИ. Круг владельцев СМИ значительно расширился. В советское время идеологический дискурс, создаваемый СМИ, определяла партийная бюрократия, и он, как правило, был консолидированным. Сегодня же количество групп, имеющих доступ к СМИ, возросло. Теперь, в разной степени, они имеют возможность отстаивать, или продвигать свои интересы в информационном поле. Все это способствует появлению конкурирующих дискурсов.

Несмотря на то, что внутри правящей элиты Татарстана существуют противоборствующие группы, идеологический дискурс, выражающий региональную идентичность, как правило, консолидирован. Возникающие в поворотные для республики моменты, резко оппозиционные издания живут недолго.³⁶

Вполне понятно, что стремление властной элиты, в самом начале реформ, легитимировать более широкие, по сравнению с прежними, властные полномочия как перед Москвой, так и перед республиканским сообществом, должны были иметь свои аргументы. В контексте России, имелось только одно основание, которое отличало республику от обычной российской области – этнический фактор. Его значимость подкреплялась международными правовыми нормами о праве наций на самоопределение и уже начавшимся процессом выхода из СССР союзных республик. Кроме того, внутреннюю экспрессию этому фактору в республике придавало национальное движение, которое пополнялось все новыми неформальными организациями. Их активисты имели достаточно широкую поддержку среди определенной части татарского населения.

Но был и еще один веский аргумент, который местная власть могла использовать в споре с Москвой. Это – более низкий уровень обеспеченности жителей республики по сравнению с москвичами. Выигрышность этого аргумента в политической стратегии была бесспорна. Ответственность за сложившуюся систему распределения несло центральное правительство и, в целом, государство. Поэтому выстраивание оппозиции «центр – республика» в формирующемся региональном самосознании способствовало четкому распределению акцентов: кто – «узурпатор», и кто – «жертва».

Таким образом, этничность и оппозиция «центр – республика» становятся несущими опорами всей республиканской идеологии, формирующей свое региональное «Я». Характер и особенности подачи этнической информации в республиканской прессе тесно были сопряжены с политическими событиями сопровождавшими отношения Федерального Центра и республики. В соответствии с динамикой интенсивности подачи этнических тем процесс формирования республиканской идентичности можно разделить на несколько этапов. Первый этап – конец 1980-х – 1994 гг. – резкая и категорическая дистанцированность от Центра; 1994 – 2000 гг. – неконфликтное утверждение республиканской идентичности; с 2000 года – интерпретация республиканской идентичности, как составной части общероссийской идентичности.

В информационном поле Татарстана конца 1980-х – начала 1990-х гг. этническая информация была очень насыщенной. Показательно, что идеи этнического ренессанса стали второй волной после широкого обсуждения социально-экономических проблем самой республики, как субъекта России, которому Центр совсем не уделяет внимания. Тема экологии окружающей среды переросла в тему экологии национальной культуры и языка.

Здесь нельзя не отметить (вообще общую для многих национальных республик) характерную увязку этнокультурных проблем с политикой. Отсталость в развитии национальной культуры татар связывалась с политикой советского государства, с политикой Москвы. Именно поэтому получила широкий резонанс тема утраченной государственности татар. Социально-экономические проблемы также рассматривались сквозь призму этничности³⁷. Зачастую обсуждение сводилось к поиску виновной стороны. Ею оказывалось российское

государство. Однако, вина государства нередко экстраполировалась на его этническое большинство – русских. В этот период особенно сильно звучал «мотив жертвы». Хотелось бы привести, в качестве примера, публикацию, которую можно охарактеризовать как квинтэссенцию такого рода публикаций, звучавших довольно часто на страницах республиканской прессы. Показательно ее название - «Соседи». В ней автор, писательница Б. Рахимова оценивает «плоды соседства с русскими»:

«Государства - нет. Язык - в упадке. Нет ни национальной армии, ни национального банка, наша религия, можно сказать, только, что оправилась от долгой клинической смерти. Что касается образования - всего 7% татарских детей обучается на родном языке.

Славный некогда град Казань ... представляет собой ... настоящие развалины. Вместо нефтяного богатства нам достались его издержки: химизация, загрязненность почвы, землетрясения, спровоцированные нещадной и вульгарной эксплуатацией наших природных богатств, наконец, чувство опустошенности в нас самих»³⁸.

В публикации автор, констатируя состояние этнической культуры и языка народа, а также его среды обитания, акцент обвинения переносит на российское государство. Однако, в публикации, присутствует еще один виновный:

«Известно, что татарский народ славен как народ активный, работающий, созидательный. Но все чаще и чаще в наш народ проникают ... такие пороки как лень, пьянство, безразличие».

Таким образом, оппозиция «государство (российское) – республика» накладывается и усиливается этнической оппозицией «мы– они».

Представленная тема и тон ее подачи имеют свою динамику. Контент-анализ сегодняшней прессы (2001-2002 гг.) показал, что «мотив жертвы» продолжает сохранять актуальность, но звучит гораздо реже. Из проанализированного массива, встретилась всего одна публикация такого рода. Ее название - «Мудрость начинается с характера».

В ней, автор статьи сравнивает русский и татарский характеры. В качестве индикаторов избраны слова и лексемы по-разному осмысливающиеся, по мнению автора, в русском и татарском языках. В качестве примера приводится ставшая крылатой фраза Б. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!», а затем делается вывод: «Русский язык не способен быть языком дипломатии, так как в нем много резких и бранных слов». После перечисления современных бед России: «экспансивная политика» и «разрушающее изнутри Россию чиновничество», автор приходит к заключению:

«Насколько разнятся системы русских и татарских языков, настолько разнятся и менталитет народов. Сегодня татары, живя в русском государстве, перешли на язык и систему русских»... От этого, по мнению автора, все беды народа. И завершает призывом: «Нам надо разорвать старую узду, разрушить мосты, упрямо встав на родную зеленую почву, начинать жить истинно по-татарски. Только это нас спасет.»³⁹

Публикация претендует на объективность, поскольку проблема рассматривается в ней с точки зрения науки. Солидность материалу призваны придать научные регалии автора - ученого - «политический психолог». В статье противопоставляются менталитеты народов, языковые системы. Тем самым, конструируется положительный автостереотип, акцентируется роль жертвы и закрепляется ценность этнического республиканского самосознания. Российское государство ассоциируется с агрессией, грубостью, в противовес родному, этническому. Статья адресована татароязычному читателю.

Для периода начала 1980-х - начала 1990-х гг. было характерно сильное влияние политической конъюнктуры на появляющуюся в прессе этническую

информацию. В качестве примера может послужить период сложных отношений между Москвой и Казанью в 1993-1994 гг.

Контент-анализ газет⁴⁰ «Ватаным Татарстан» и «Татарстан яшьляре» в период конституционного конфликта показал, что в 95% анализируемых статей, связанных с этнической тематикой, (из 180 - в «Татарстан яшьляре» и 120 - в «Ватаным Татарстан»), присутствовала тема России. Самая актуальная тема этого периода - обвинение России в унитаризме, ущемлении суверенных прав. Наиболее эмоционально она подавалась представителями гуманитарной и художественной интеллигенции во время октябрьских событий 1993 г. у Белого Дома.

В то время как газета «Ватаным Татарстан» печатала лишь безоценочную хронику этих событий, газета «Татарстан яшьляре» напечатала несколько больших публикаций с оценкой этих событий, назвав их «вторым кровавым воскресеньем». Наиболее эмоциональной была статья М. Юныса, в которой писатель провел аналогию с октябрём 1552 г. (взятие Казани), октябрём 1956 г. (события в Венгрии), сделав вывод, что для России кровопролития - закономерность⁴¹.

В это время прореспубликански ориентированные издания придерживались такой позиции: если в России идет выяснение отношений, борьба, поиски врагов, то в Татарстане тем временем работают, стараются найти выход из экономического кризиса. Таким образом, положительный автостереотип «татары - трудолюбивый народ» использовался в качестве характеристики республики и переносился в сферу межгосударственных отношений.

Борьба за государственность Татарстана, придание ему новой политической идентичности, активизировала использование символов, включающих в себя память о былой государственности татарского народа.

К ним относится День памяти погибшим защитникам Казани при завоевании Казанского ханства Иваном Грозным и напоминания о святых Булгарах. В качестве примера можно привести статью писателя М. Юныса «Уста руин», где инструментальная функция символа выражена наиболее ярко:

«Под этими камнями (в Булгарах - С.Л.) похоронена эпоха наших дедов, живших свободно. И если мы сегодня, борясь за независимость, не сумеем сплотиться, ... то наши зародившиеся надежды тоже будут похоронены под этими руинами»⁴²

Памятник покорителям Казани в 1552 году, расположенный почти в центре города, воспринимался как символическое закрепление неравноправия татарского народа. Председатель Всетатарской ассоциации деятелей культуры «Маданият» Г. Ягфаров писал о том, что памятник «русским захватчикам» воспринимается татарским народом как «соль на рану»:

«Эта несправедливость (можно сказать и сам памятник) породила ненависть татарского народа к России (можно сказать и к русскому народу). Мысль уничтожить, взорвать, сжечь тревожила не одно поколение наших сородичей с тех пор, как его воздвигли». Выходом, на взгляд автора, может стать установка «на самом видном месте Казани памятника ее защитникам. Это станет основой для равноправия двух народов»⁴³.

Другой автор, писатель, С. Шамси также говорил о том, что памятник «символизирует наше национальное унижение и несвободу» и предлагал превратить его в Музей с экспозицией, воссоздающей события 1552 года.⁴⁴

Содержание и эмоциональный заряд приведенных цитат свидетельствуют о чувствительности к символам. Автор первой цитаты «равноправие народов» соотносит с фактами истории, а не с реальными фактами жизни современных

татар, социально-экономическое положение которых точно такое же, как и у русских в республике, да и по России в целом.

Как видно из приведенных материалов, общим знаменателем для всех тем, касающихся возрождения этнической культуры и языка татар, также как и народа в целом, в Татарстане стала тема государственности.

Апелляция к усилению своей государственности имела две мотивации.

Первая касается непосредственно интересов возрождения этнической культуры и языка татар. Государственность татар в этом случае понималась как необходимое условие для создания благоприятного климата для их сохранения и развития. И это стало выражением интересов национальной интеллигенции и этнически ориентированных татар.

Вторая - связана с переделом властных ресурсов на территории постсоветской России. Интересы приумножения и сохранения экономических ресурсов, что непосредственно переходит в поле политики, являются прямым интересом властной элиты, для которой этнический фактор – лишь ресурс и инструмент для усиления внутриэтнической и республиканской консолидации населения республики. Имея реальные интересы в укреплении государственности, названные группы заинтересованы в том, чтобы стимулировать описанный выше дискурс.

Сопоставление результатов контент-анализа республиканской прессы за два последних года (2001-2002гг.) с описанными выше данными, дает возможность проследить динамику в подаче этнической информации в знакомых нам уже изданиях. В целом, нужно отметить, что доля этнической информации значительно уменьшилась по сравнению с концом 1980-х - началом 1990-х годов. В проанализированных объемах газетных публикаций доля этнической информации составила:

Таблица 1. Доля этнической информации в газетных публикациях

газеты	Октябрь 2001 %	Февраль 2002 %
Республика Татарстан	7,9%	7,2%
Ватаным Татарстан	12,8%	11,4%
Вечерняя Казань	1,2%	8,5%
Татарстан яшьляре	12,8%	21,5%

Для сравнения: доля этнической информации в официальной газете "Известия Татарстана" в 1994 году доходила до 45%.⁴⁵

Несмотря на то, что этнической информации стало меньше, сложившаяся в конце 1980-х - начале 1990-х гг. стратегия дискурсов анализируемых нами республиканских изданий сегодня сохраняется. Так, официальные газеты «Республика Татарстан» и «Ватаным Татарстан» стараются сохранить беспристрастность и нейтралитет, хотя в последней изредка могут появляться довольно острые публикации. Газеты «Вечерняя Казань» и «Татарстан яшьляре» представляют два полюса мнений и тенденций в отношениях между Федеральным Центром и республикой, стремящейся сохранить занятые в течение последних десяти лет позиции.

Если говорить об этнической информации, то ее можно обнаружить в таких темах, как: историческое прошлое и современность; культура и язык; взаимоотношения Федерального Центра и республики; проблемы национальной политики в РФ; межнациональное взаимодействие народов России; и даже таких, казалось бы нейтральных темах, как спорт и информация о событиях в мире.

Официальные газеты «Республика Татарстан» и «Ватаным Татарстан»

официальная информация соседствует с очерками о тружениках села и промышленных предприятий, событиями культуры и спорта. «Республика Татарстан» формирует в большей мере республиканскую гражданскую идентичность. В ее интерпретации – республика родной дом для всех населяющих ее народов. А освещение тем, связанных с проблемами статуса государственных языков в республике; ислама и православия в публикациях, как правило, подается в духе советского интернационализма. В качестве характерного примера можно привести репортаж с открытия мечети Кул-Шариф в Казани:

*«Несколько тысяч человек, съехавшиеся со всего Татарстана, приняли участие в церемонии водружения последнего полумесяца на минарет строящейся в Казанском Кремле мечети Кул Шариф. Тема мира и дружбы между народами и конфессиями звучала из уст всех выступавших у мечети Кул Шариф.»*⁴⁶

В газете «Ватаным Татарстан» большая доля публикаций посвящена событиям культурной жизни татар в республике и за ее пределами. Стратегия газеты на формирование внутриэтнической солидарности татар России начала складываться в конце 1980-х годов и продолжается сегодня. Материалы об истории татар, их культуре и их роли в жизни России призваны повысить самооценку и значимость представителей народа. Большая доля публикаций посвящена взаимодействию татар различных регионов России. В каждом номере газеты обязательно встречается от одного до четырех – пяти репортажей о встречах землячества, о культурных и образовательных акциях. Объем такой информации, по данным нашего контент-анализа, составил 26,4% от общего объема проанализированных текстов.

Материалы подаются в неконфликтной, доброжелательной форме. Так, если в теме татар в России, ранее преобладали эмоции, чувство обиды, акцентировалась роль жертвы, то сегодня преобладает фактический материал, нейтральное, спокойное повествование. Например, в репортаже о выходе нового исторического журнала «Великий Волжский путь» приводятся слова одного из видных идеологов республики Р. Хакимова: *«Чтобы поднять сегодня Россию на ноги, необходимо развитие Великого Волжского пути.»*⁴⁷ Великий Волжский путь преподносится как культурно-историческое достояние татар. Здесь уже не звучит противопоставление государству, или русским, а событие подается в интегративном ключе: историческое достояние должно служить всем. Это один из показательных примеров модуляции этнической идентичности в структуру общероссийской гражданской идентичности.

Одно из ведущих мест среди этнических категорий, обсуждаемых «символьной элитой», занимает тема татарского языка. Ее презентация в республиканских СМИ также менялась на протяжении анализируемого периода. Особенно бурным было обсуждение проблемы современного состояния языка и образования на татарском языке в конце 1980-х начале 1990-х гг. Язык и национальная школа рассматривались как первое условие сохранения этнической самобытности татар:

*«Своя государственность, свой язык, свое образование помогают сохранить нацию»; «Просвещение – это наша идеология. Армия и налоги могут быть общими (с Россией – С.Л.), но образование должно быть свое»*⁴⁸.

В этот период тема языка подавалась в прессе не только с точки зрения его сохранения и развития, не последнюю роль играл фактор становления новой идентичности, включающей в себя попытку утвердить свое отличие от русской культуры. При обсуждении вопросов перехода на латинскую графику, лидер «Иттифака» Ф. Байрамова заявляла:

*«Здесь не только о языке поставлен вопрос. В первую очередь нам нужно, чтобы наша нация, наша политика отошла от России.»*⁴⁹

В отличие от публикаций первой половины 1990-х годов, тема отличительности от российского культурного пространства не получила своего продолжения. Сегодня, подчеркивается инструментальный характер алфавита: это удобная графическая система для татарского языка и средство эффективного овладения новыми компьютерными технологиями.⁵⁰

Тем не менее, проблема развития и статуса татарского языка в республике продолжает оставаться актуальной до сих пор. Доминирование русского языка во всех сферах общественной жизни тревожит этнически ориентированных татар. Особенно наглядно эта озабоченность проявляется на страницах татароязычной прессы, в которой наряду с журналистскими, публикуются письма и статьи заинтересованных читателей. Так, одна из авторов публикаций приводит в пример детский лагерь "Полет", где отдыхают 500 девочек и мальчиков. Она сетует на то, что все они разговаривают на русском языке, все мероприятия проходят на русском языке, кругом звучит русская музыка. Далее, она пишет о тех мерах, что предпринимает республиканское министерство образования: издание учебников, проведение конкурсов и олимпиад на татарском языке и делает вывод, что эти усилия тратятся впустую, так как

*"вот в таком лагере дети быстро забудут "этот проклятый язык" - так называют его! Здесь в лагере нет места другому языку". Автор видит выход в том, чтобы построить лагерь по типу "Малый Артек", где будут жить и отдыхать дети татар.*⁵¹

Естественно, что среди причин сужения сферы употребления татарского языка национальная интеллигенция выделяет главную - отсутствие ВУЗ-ов с обучением на татарском языке. Авторы публикаций сетуют на то, что Госсовет республики принял в 1997 г. решение о создании национального университета, но до сих пор нет ни университета, ни его концепции.⁵² Проблемы видятся не только в нехватке сил и средств. Один из авторов, Т.Айди, пишет:

*"Открытие татарского национального университета поможет поднять статус татарского языка. Но чтобы сохранить татарина как татарина - этого еще мало. Потому что программа, которая будет отражать потребности империи не будет соответствовать и совпадать с потребностями татар. История мировоззрения, обычаи и традиции там всегда будут в качестве половой тряпки. Вот почему нужна школа, которая будет создана не на деньги государства, а на наши. А денег у нас сегодня нет. Значит мы зря мечтаем об университете"*⁵³

В последние годы, казалось бы безобидный вопрос графической системы татар получил политическую окраску. После вмешательства Федерального Центра в ход языковой реформы, связанной с переводом письменности татар с кириллицы на латиницу, и последующий запрет Госдумы на ее введение в республике, тема языка и алфавита стала обсуждаться чаще и эмоциональнее, не только в татароязычной, но и в русскоязычной прессе. Актуальность темы поддерживается включением в обсуждение помимо журналистов, политиков, экспертов, ученых, общественных деятелей и читателей. Официальная позиция подается, как правило, с точки зрения разграничения полномочий между РФ и РТ. Например, «Республика Татарстан» цитирует выступление Председателя Госсовета РТ Ф. Мухаметшина:

*«Думаю, что это неправильно – указывать из Москвы, какому народу каким шрифтом писать на своем родном языке. Это не дело и не полномочия федерального центра. Я думаю, что не стоит даже утруждать себя принятием такого рода закона».*⁵⁴

В высказывании противопоставляется стратегия Федерального Центра, который вновь стремится все властные функции сосредоточить в своих руках, и интересы татарского народа, стремящегося по своему разумению сохранить свою

культуру и язык. Связка двух понятий «российское государство – этническая культура» выстраиваются в оппозиции друг к другу, причем, первое наделяется чертами агрессора, а второе – жертвы. Таким образом, этнический фактор используется как один из немногих оставшихся в распоряжении власти ресурсов, помогающих отстоять свое республиканское «Я». Содержание этих нескольких последних публикаций иллюстрирует тезис о том, что этническая культура и язык становятся той зоной, где наиболее близко совмещаются интересы этнически ориентированных татар и стратегия властной элиты.

Столкновение общероссийской и республиканской этнической идентичностей в информационном поле Татарстана отчетливо прослеживается в дискурсах, формируемых неофициальными изданиями. В основе стратегии татарязычной газеты «Татарстан яшьляре» - утверждение этнических ценностей посредством дистанцирования своего этнического «Я» от России. «Вечерняя Казань» подвергает сомнению значимость этнической составляющей республиканской идентичности, впрочем так же, как и правомерность выделения республики в качестве самостоятельного субъекта в рамках России. Хотелось бы показать самые характерные приемы, которые используют эти газеты для утверждения своих дискурсов.

Например, «Вечерняя Казань» сообщая о решении правительства РТ обсудить всенародно проект Конституции РТ, приводимой в соответствие с российским Основным Законом, пишет:

«Проблема всенародного обсуждения Конституции в том, что этот документ не увеличит толщину масла на хлебе у Васи Пупкина, не вернет выкрученную соседом лампочку в его подъезде и не вылечит от болезни... Словом, никаким лишним благом не обрадует обывателя... следовательно, подавляющая часть населения наверняка останется равнодушной к ее обсуждению.»⁵⁵

Особенно ярко, в соответствии со стратегией «Вечерней Казани», подаются темы ключевые: тема языка, республиканского гражданства, этничности в республике. А стратегия прореспубликанской и этнической ориентации газеты «Татарстан яшьляре» делает объектом сарказма и насмешек уязвимые стороны российской внутренней и внешней политики. Причем, обе газеты «окрашивают» в соответствующие тона даже самый, казалось бы нейтральный материал. Хотелось бы привести самые яркие, показательные примеры журналистских приемов.

В субботнем номере «Вечерней Казани» - это особенно популярный у аудитории номер, толстуха с телепрограммой на всю неделю – в рубрике «Субботний репортаж» напечатана статья журналистки газеты с названием: «Я татарский бы выучила! Только где!» У репортажа – особая маркировка, отличная от других публикаций: более темный цветовой фон внутри рамки и крупный, напечатанный жирным шрифтом заголовок на второй полосе. Журналистка рассказывает о перипетиях, связанных с поиском бесплатных курсов татарского языка. Начинается репортаж с иронической фразы: *«Помнится закон принимали с большой помпой. Сколько пылких речей было сказано...»⁵⁶*

Казалось бы, весь пафос публикации, звучащая в ней критика, направлены на то, чтобы власти города усовершенствовали систему обучения татарскому языку, который имеет статус второго государственного языка. Однако, другие публикации, в которых газета освещает языковые проблемы в республике, говорят о том, что тема языка для газеты – это повод для того, чтобы высказать свое неприятие другой культуры, которая претендует в республике на равноправие с русской культурой.

С конца 2001 года большой резонанс получило дело С. Хапугина, подавшего иск в Конституционный суд РФ с требованием отмены обязательного

изучения татарского языка в объеме русского языка в средней школе. Подробности этого дела постоянно освещаются на страницах «Вечерней Казани» в специально отведенной для этой темы рубрике «Дело движется». Само название рубрики говорит о заинтересованности газеты в победе подавшей иск стороны. Судя по тону трансляции «дела», газета активно формирует ряды недовольных уроками татарского языка в школе. Газета приводит наряду с рациональными аргументами (например, нехватка времени на множество предметов) и такие:

*«Необходимо учитывать, что язык является важнейшим элементом национальной культуры, которая, в свою очередь, участвует в формировании той или иной идеологии и психологии, религиозных взглядов, образа мышления и уклада жизни. Недопустимо насильственное привитие культуры гражданам, для которых она не является родной. Это неминуемо ведет к напряженности в межнациональных отношениях.»*⁵⁷

Тонкость приема в том, что газета позицию неприятия этнической составляющей культурной политики республиканского правительства высказывает не от имени редакции, а от имени рядового гражданина Татарстана.

В стратегии газеты «Татарстан яшьляре» более четко проявляется оппозиция «мы» – «они», которая действует больше в сфере государственных отношений: федеральный Центр – субъект, хотя иногда характеристики в адрес государства экстраполируются на его этническое большинство – русских.

Обсуждение изменений в Конституции РТ в газете подается через призму оппозиции «мы» – «они». При этом часто используются ассоциации, связанные с тоталитарным прошлым. В качестве одного из характерных примеров можно разобрать аналитическую статью «Последний предел отступления, где он?».⁵⁸ Один из подзаголовков статьи носит название: «В подвалах ГПУ». Автор, рассказав о процессе обсуждения изменений в Конституции РТ участниками делегации из Казани и комиссией со стороны РФ, приводит высказывания участников обсуждения со стороны республики, а затем делает вывод о том, что конституционная реформа грозит «*сломом всей политической архитектуре Татарстана*», что здесь «*не берется в расчет история народа, его интересы*». А затем, следует прогноз: «*При таком подходе легко спровоцировать радикализацию татарской части населения*».

Сравнение приведенного материала с публикацией о Конституции РТ в «Вечерней Казани» помогает ярче оттенить особенности стратегии каждого издания. В публикации газеты «Татарстан яшьляре» приводятся высказывания заинтересованных лиц (представители власти), говорится об абстрактных интересах народа, и при этом акцентируется этнический фактор («*лакмусовой бумагой ее настроения станет День памяти, традиционно проводимый 15 октября, - по количеству и настроению участников можно будет судить о том, каков градус общественных настроений*» – имеется ввиду татарская часть населения РТ – С.Л.) и делается заключение: «*Ничем хорошим все это в конечном итоге не обернется*». Общий тон статьи пафосный.

В «Вечерней Казани» - подход рациональный. Основной акцент в публикациях делается на повседневные нужды простых жителей Татарстана, независимо от их этнической принадлежности. Вся информация, содержащаяся в газете, подается с позиции простого обывателя, оппозиционного власти. Но здесь эта оппозиционность накладывается на особенности власти в республике, где этнический фактор играет заметную роль.⁵⁹

«Симметричность» стратегий и приемов этих двух газет выражается еще и в том, что даже краткая информация о республике (в «ВК») или о России (в «ТЯ») содержит оценочный компонент. Каждая газета нацелена на поиск негатива у противоположной стороны и умалчивание недостатков у «своей».

В «Вечерней Казани» дается репортаж с выставки одного из казанских художников. Репортаж носит название: «Охота на ханов продолжается?»

«...Равиль Загидуллин входит в тройку местных живописцев, которые упорно разрабатывают конъюнктурную для суверенной республики тему – бытописание жителей древней Казани и Булгар.»⁶⁰

Автор репортажа, характеризуя тематическое содержание полотен художника однозначно называет его конъюнктурным. Хотя историческая живопись является жанром, имеющим давнюю, историческую традицию. Тенденциозность в подаче события легко прочитывается. Поскольку исторические сюжеты художника – часть этнической истории, то ироническое отношение автора распространяется и на нее.

В другой популярной теме, посвященной обмену паспортов⁶¹ – на конкретных примерах показывается как невыгодно, на практике, иметь в новом паспорте вкладыш на татарском языке, какие сложности поджидают его обладателя, если он выезжает за пределы республики.

Или же газета «Татарстан яшьляре» дает информацию о больших долгах по выплате заработной платы по всей России. Публикация «Государство снова утонет в долгах» заканчивается фразой:

«А у нас в Татарстане долги по выплате заработной платы не высоки ...0,6%.» (относительно 8% по России – С.Л.)⁶²

Информация приходится на период обсуждения Договора о разграничении предметов ведения между РФ и РТ и подается наряду с информацией о том, что «Спикер Совета Федерации С. Миронов против разделения полномочий между Центром и субъектами...».

Итак, как видно из материалов, газеты выстраивают оппозиции «мы» – «они» и при этом, каждая выбирает свою ось. «Вечерняя Казань» формирует солидарность по принципу «мы (народ) – «они» (власть), но это - власть этническая, республиканская. Власть российская представлена, как правило, обобщенно, без конкретных персонажей. Акцентируется ее функция борца за закон и справедливость. Постоянный мониторинг публикаций газеты показывает популярность темы нарушений местными властями российских законов в республике.

«Татарстан яшьляре» поддерживает ось «Центр (Россия) - Республика (Татарстан) – татары». Помимо пунктирных, информационных блоков, газета публикует большие статьи размышления. Все три обозначенных звена «Республика – Татарстан – татары» сходятся в сюжетах, посвященных грядущей переписи населения. В качестве одной из показательных публикаций может послужить интервью журналиста газеты с депутатом Госсовета РТ, писателем Р.И. Валеевым, вышедшим под названием «Кто отделился, того медведь съест, кто разделился – съест волк».

В публикации сразу же ставится проблема: грядет новая перепись населения - что она несет татарам? Депутат говоря об увиденном им проекте бланков переписи высказывает недоумение и возмущение – почему татар поделили на этнографические группы, а русских – нет? Далее депутат делится впечатлениями своей поездки в Москву для обсуждения этой проблемы в Госдуме РФ, где он не получил ответа на свой вопрос. Депутат раскрывает политическую подоплеку этой процедуры, действия российского государства характеризуются однозначно: «геноцид»:

«такого рода схема переписи – это подготовка упразднения республик, в которых по такой переписи не останется 50% титульного населения. Следовательно, осуществится девиз Сталина – «Нет народа – нет проблем»⁶³.

Таким образом, в публикации закрепляется связка – «татары – республика» как взаимообусловленные составные: без единства татар не будет

республики, а без республики не выжить народу, как самобытному культурному организму.

Социологические и исторические основания этнического компонента региональной идентичности.

Для адекватного понимания существующих в информационном поле отдельных тем или дискурсов необходима презентация не только самих его агентов с набором характеристик и мотиваций, но и использование некоторых фрагментов исторического, социального, политического и культурного контекстов сосуществования на одной территории двух этнических общин⁶⁴.

В 1990г. Татарстан объявил себя суверенным государством. Обретение государственности повлекло легитимацию этнической культуры на государственном уровне. Закрепление государственного статуса татарского языка в Конституции РТ, принятие Закона о языках народов РТ (1992г.), Государственная Программа РТ по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ (1994г.); появление новых периодических изданий на татарском языке – положило начало расширению семантического поля этнической культуры татар. Если в советский период употребление национального языка ограничивалось сферой быта, то сегодня предпринимаются попытки его использования в политике, экономике, науке и культуре.

Обогащение семантического поля произошло не только за счет расширения функционального применения татарского языка. Идеология национального ренессанса формируемая этнической элитой, находит свое отражение на страницах республиканской прессы, в большей степени татароязычной, от простого употребления национальных символов до изложения концепций возрождения татарского общества.

В предыдущей части статьи я попыталась как можно полнее показать весь спектр этнических категорий, действующих в публичной сфере. Анализ текстов публикаций позволил увидеть, как, и с помощью каких приемов акцентируется их значимость в современном республиканском сообществе. Исследование показало, что культура и язык, в качестве этнических ценностей, способны придать значимость таким политическим категориям, как суверенитет и государственность, которые, в конце- концов, начинают восприниматься массовым сознанием как этнические.

Однако, конструктивистские усилия властной и «символьной элиты» не были бы столь плодотворны, если бы не было социальной основы – тех социальных групп, которые разделяют транслируемую систему ценностей. Если бы не было исторической традиции, с помощью которой можно было бы обосновать легитимность конструируемого дискурса. Как оказалось, усилия в поисках своей идентичности в условиях смены эпох – не новы.

Анализ интерпретаций проблем, в рамках названных тем, выявил приверженность их авторов идеям модернизации татарского общества. По сути, произошло возвращение к дискурсам двух направлений общественного развития татарского общества, получившим наиболее яркое выражение в конце XIX-го – начале XX вв. Идеологии джадидизма и кадимизма пытались сохранить этнорелигиозную идентичность татар в условиях буржуазной эпохи. Модернизационные идеи Европы, получившие широкий резонанс в русском обществе, по-своему интерпретировались в татарской среде. Татарские либералы приветствовали европейские ценности, признавали значимость русской культуры и языка для прогресса татарского общества.

Кадимисты видели путь сохранения общности через ее консервацию. В его основе лежала стратегия замкнутости мусульманской общины. Самодостаточность обеспечивалась социально-экономическим укладом жизнедеятельности традиционных сельских общин, с соблюдением шариата во внутренней жизни и догматической системой мусульманского образования.

Воспитание конформной и ограниченной личности оспаривалось сторонниками реформаторского движения. Введение джадидистами светских наук, творческий подход к изучению ислама, введение русского языка, наряду с татарским языком обучения - должны были, по их замыслу, преодолеть инертность сельского менталитета и способствовать формированию урбанизированной личности, адаптированной к быстро развивающейся социальной реальности на основе своей национальной «высокой культуры».

Позиции джадидизма явно видны в модели государственного развития республики разработанной современным национальным движением и взятым на вооружение официальными идеологами. Стратегия, намеченного в программах развития республики сочетает западные ценности - рынок, частную собственность, плюрализм и демократию, и национальные - учет исламского фактора и этнических ценностей.

Сегодня позиции кадимистов представляют Милли Меджлис, партия «Иттифак» и часть мусульманского духовенства. Сторонниками идей джадидизма является ТОЦ и большинство национальной интеллигенции. В последнее время о приверженности этому течению стала открыто заявлять и партия власти.⁶⁵ Обе стороны сходятся в одном, считая, что именно ислам помог сохраниться татарам как этнической общности. Однако позиции резко расходятся, когда речь заходит о решении проблем, связанных с модернизацией татарского общества. Вот пример характерной дискуссии, проходившей на страницах татароязычной прессы, во второй половине 1990-х гг.

Ф.Байрамова, лидер национальной партии «Иттифак», писала о главной угрозе для целостности татар в «погоне за Европой» (через русскую культуру):

*«стремление татарских ученых узнать русскую культуру, язык, достичь их уровня - погубило татарскую нацию ... жертвами обрусения сегодня стали образованные и городские татары».*⁶⁶ *Спасение нации она видит в изоляции татар от влияния Запада и России и в возврате к кадимизму. А письменность татар должна вернуться к арабскому, а не латинскому алфавиту, который "был принят в Турции под дулом пистолета,"- утверждает автор.*⁶⁷

Надежды на сохранение татарского общества, Ф. Байрамова связывала с крестьянством, сохранившим связь с национальной культурой и менее подверженным влиянию русских.⁶⁸

Ей возражал татарский писатель А. Еники, который видел в участии татар в модернизационных процессах залог полноценного развития нации в соответствии с требованиями времени. Изоляция татарского общества от внешних влияний - это регресс, - писал он. Называя джадидистов прогрессивными реформаторами, писатель говорил о пользе овладения русской культурой и языком:

*«Невозможно жить, отгородившись от русского общества. В том, что татары сегодня образованы - есть влияние и русского прогресса»*⁶⁹ *По мнению писателя, благодаря знакомству с европейской культурой через русский язык, татары вышли на первое место среди других тюркских народов.*

Подчеркивая значимость ислама для татар, он заявляет об опасности фундаментализма.

Преимственность модернизационной направляющей в этнонационалистическом дискурсе заставляет задуматься о причинах ее актуальности в татарском обществе. Ведь сегодня татары по своей социальной структуре близки к русским. Их уровень урбанизированности, включенности в

современную социально-экономическую инфраструктуру общества довольно высок. Исследования этносоциологов, в ходе реализации программы «НИК»⁷⁰ показали, что национальная интеллигенция в Татарстане имеет явно более полиструктурный и более сходный с русской состав, чем во многих других республиках. Это сходство проявляется в том, что у татар является значительной доля производственной интеллигенции: по данным переписи 1989 г. - 44,7% в составе городской интеллигенции у татар - относительно 49,8% у русских. Была также выявлена тенденция 80-х г.г. - увеличение доли административно-управленческой интеллигенции в составе титульных народов республик в сравнении с русскими, а также интеллигенции художественно-творческой, преподавателей ВУЗов, работников печати. К началу 90-х г.г. доля занятых в партийно-государственном аппарате у татар была более чем в полтора раза больше, чем у русских в республике, так же как и доля художественно-творческой интеллигенции. По подсчетам исследователей, доля татарской интеллигенции по сравнению с 60-ми г.г. выросла в 2 раза.⁷¹

Мотивы заинтересованности и участия в формировании этнонационалистического дискурса двух групп (властная и интеллектуальная элита) были описаны в самом начале статьи. Теперь логика моего исследования заставляет задаться вопросом: в чем причины социальной поддержки конструируемого дискурса? Контент-анализ читательских писем, поступавших в редакции республиканских газет и журналов, а также опыт массовых этносоциологических опросов позволил приблизиться к пониманию некоторых причин.

В процессе этнического ренессанса ведущая роль идеолога принадлежит "партии бывших провинциалов". Исследование показало, что она выражает интересы и устремления, в большей мере, татаро-язычной части татарского общества. Это подтверждают результаты анализа читательских писем - 75% из них написано на татарском языке. Естественно, что письменным татарским языком владеют те, кто получил на нем образование. В 1987-88 гг. в республике насчитывалось 995 татарских школ - практически полностью в сельской местности (численность учащихся - 104,4 тыс.чел.). К 1988 г. в Казани осталась всего лишь одна национальная школа. Несмотря на то, что по официальной статистике в 1988/89 гг. число татарских школ возросло до 1059 (численность учащихся - 70,1 тыс. чел.), а в русских и смешанных школах имелась 9091 группа по изучению татарского языка с охватом более 127,0 тыс. учащихся, тем не менее, количество часов, отведенных на изучение родного языка в этих школах, было незначительным - 2 часа в неделю.⁷² Приведенные цифры говорят о том, что категорию хорошо владеющих родным языком составляли, в большей мере, сельчане и выходцы из села (горожане первого поколения).

Попытка анализа состава читательской группы по признаку социального происхождения дала следующие результаты: 37,5% написавших - сельчане, 62,5% - горожане. С большей долей вероятности можно вывести, что 24,5% (из 75%) респондентов, написавших на татарском языке - выходцы из села.

Результаты опросов "НИК" показали, что этническая идентификация сегодня преимущественно базируется на этнокультурных признаках. На вопрос: "Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?" - 77% татар-горожан и 71% сельчан назвали родной язык; 67% и 51% соответственно, назвали культуру, обычаи и обряды; 33,5% и 45% - назвали религию. Данные показали, что родной язык является основным этноопределителем. 96,6% татар в качестве родного называют татарский язык. Однако, эта цифра не раскрывает качественного содержания этого признака. Предлагаемые мной цифры позволяют увидеть специфику функционирования родного языка среди татар. В качестве языка общения татарским языком пользуются: на работе - 14% татар-горожан и 92% - сельчан; дома - соответственно, 48% и 99%; читают газеты на татарском языке - 13%

горожан и 64% сельчан. Цифры говорят о том, что в большей степени татарским литературным языком владеют татары - сельчане - 64%, против 13% горожан. Большой процент татар-горожан (48%) владеют бытовым языком. Результаты опроса "НИК" соотносятся с данными другого социологического опроса, по которым: в совершенстве владеют языком своей национальности 49% татар, знают только разговорный язык своей нации - 43%⁷³. Из 96,6% татар, назвавших татарский язык родным, 49% владеют им, а оставшиеся 47% включают тех, кто владеет языком неудовлетворительно и не владеют совсем. Для тех же, кто назвал татарский язык родным, не владея им, национальный язык является, своего рода, символом национальной принадлежности.

При рассмотрении характеристик современного татарского общества в контексте актуализированности этнических ценностей, мы не можем оставить без внимания русскоязычных татар. Несмотря на то, что русскоязычная часть представлена в процессе национального возрождения слабо, тем не менее у нее имеется своя позиция. Она проявилась в ходе опроса "НИК". На вопрос: "Как Вы относитесь к требованию некоторых национальных лидеров придать статус государственного языка только татарскому языку, одобрили - 18% горожан, 53% сельчан; не одобрили - 57% горожан, 19% сельчан. На утверждения: "Я никогда не забываю, что я татарин" - положительно ответили 50,5% татар и 50% татар согласились с тем, что современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы.

При рассмотрении данных нашего исследования в контексте актуализированности этнических ценностей в структуре самосознания представителей татарского общества обнаруживается, что оно делится примерно на две равные половины. Демаркационная линия затрагивает категорию социального происхождения и фактор экзосоциализации, которая проходила либо на татарском, либо на русском языках. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что этнически направленная система ценностных ориентаций сильнее представлена у татар-сельчан и горожан первого поколения. В свою очередь, внутри последней можно выделить наиболее активные подгруппы. Первая - этническая элита, ядро которой составляет художественная и гуманитарная интеллигенция и политическая элита. Вторая - рабочие относительно молодых индустриальных центров, выходцы из села (примером может послужить г.Набережные Челны. Не случайно, этот город, начиная с постперестроечного периода, составляет национально-радикальную оппозицию умеренной, центристской Казани).

Чтобы представить удельный вес анализируемой нами группы (этнически ориентированных татар) в современном татарстанском обществе, то есть социальный ресурс поддержания республиканской этнической идентичности можно использовать данные по миграционным процессам в республике. По сравнению с переписью 1979 г., перепись 1989 г. показала, что удельный вес татар в населении городов Татарстана вырос с 37,7% до 42,1%. Численность татар в сельской местности республики уменьшилась на 21,5%.⁷⁴ Эти цифры говорят о том, что данная группа составляет значимый фрагмент татарстанского общества. Из нее рекрутируются активисты национальных движений, а представители, составляющие ее пассивную часть, с пониманием и сочувствием относятся к высказываемым ими идеям.

Результаты проведенного мной исследования показали, что приверженность национальным идеологемам не возникает на пустом месте, а определяется непосредственным опытом человека. Негатив этого опыта, объединяющего выходцев из села, связан с асимметричностью общесоветской "высокой культуры" и национальной культуры, в условиях которой нарушалась преемственность первичной и высшего звена вторичной социализации, что затрудняло включение личности в престижные сферы социальной деятельности в советский период.

Именно этот фактор и обусловил, на мой взгляд, актуальность модернизационного вектора на национальной почве.

Таким образом, содержание социальной детерминанты этничности обусловила политика советского государства, не сумевшего сбалансировать широко развернувшийся процесс индустриализации с интересами и потребностями села, с одной стороны, и определить стратегию сохранения и развития национальных культур в новых экономических условиях, с другой. В результате, искусственное ограничение социально-профессионального продвижения сельчан, низкий уровень образования, в сочетании с несовпадением языка экзосоциализации сельчанина нерусской национальности с языком "высокой культуры" - русским и его низкий социальный статус, по сравнению с горожанином, явились основой нарушения баланса психологической адаптации сельчанина, особенно нерусского, в условиях города. Это социологические "корни" приверженности данной группы национальным идеологемам.

Психологические "корни" - связаны с потерей своего "дома" в условиях города, когда в столкновении с другой культурой и языком разрушалась или подвергалась сомнению неизбежность и самоочевидность субъективной реальности, выстроенной на "материнском языке" и национальной культуре, когда "значимые другие" в рамках этой культуры (в соответствии с которыми личность выстраивала свое идеальное "Я") теряли свою значимость в контексте общесоветской "высокой культуры". Попытка снять стресс заставляла бывшего сельчанина воссоздавать свой национальный "дом" в условиях города, а когда этничность была легитимирована на государственном уровне, и защищать его гласно.

Не случайно, контент-анализ читательских писем, присланных на конкурс "Татар-90"⁷⁵ (где надо было обосновать выбор лучшего представителя нации), показал, что самым ценным качеством, победившей в 1990 г. в этом конкурсе Ф.Байрамовой, стала ее характеристика как защитника нации (этничности, "дома"). Это отметили 72% читателей. Ярким примером стремления отстаивать право на жизнь своего "дома" могут послужить публикации писателя и народного депутата РТ Т. Минуллина в газете "Татарстан яшьляре", печатавшиеся в специальной рубрике. В качестве характерного примера можно привести его "Кодекс татарина", опубликованный в преддверии проведения II Конгресса татар, в июле 1997 г. Обращаясь к читателю, автор писал, что татарская молодежь может гордиться своим народом, его языком и культурой, и далее, призывал:

"Татарин! Помни, ты не хуже ни одного народа на земле! В истории народа есть достойное место и для тебя. Не верь тем, кто чернит твою историю!" Подчеркивая миролюбивый характер народа, он все-таки оговаривает, что в случае опасности надо быть готовым "выйти на площадь борьбы, если кто-то начнет ставить под сомнение наше национальное".⁷⁶

Показанная нами специфика психологических "корней" помогает объяснить феномен популярности газеты "Татарстан яшьляре", имеющей самый высокий тираж в республике. Эта газета воплощает в себе самые характерные черты своего "дома" для сельчанина и горожанина первого поколения. Доверительный, диалоговый стиль общения, преобладание эмоционального начала над рациональным, поддержание оппозиции "мы - они" даже в информационных блоках, но не в радикальной, агрессивной, а умеренной форме, во многом обусловлены социальной и психологической близостью журналистов газеты, выходцев из села, своей аудитории. Воссоздавая черты своего "дома", газета дает возможность бывшему сельчанину в условиях города продолжить свою биографию в русле привычек, представлений и системы ценностей традиционной сельской общины.

Поиск ответа на вопрос о приверженности представителей, отобранных нами для анализа групп, этнонационалистической идеологии, побуждает нас также обратиться и к истории. Я уже писала об идеологии джадидизма, которая по

замыслу дореволюционной татарской элиты должна была способствовать сохранению и развитию нации в условиях модернизации. Сохранившаяся память об этой попытке была реанимирована "символьной элитой", представители которой составили костяк современных национальных движений Татарстана. Идеологиемы дореволюционного национального возрождения татар получили свое развитие и новую интерпретацию в современных условиях. Они явились теоретической стратегией, обеспечивающей основу легитимности, поставленной государством в невыгодное положение, национальной культуре и ее носителям.

Асимметричность общесоветской "высокой культуры" и национальной культуры явилась основанием внутринационального раскола татарской нации, поскольку произошло наложение социального конфликта между городом и деревней на конкурентность культур, когда носители не востребовавшейся национальной культуры оказывались в невыгодном положении по отношению к русскоязычным городским татарам. Актуальность этнических ценностей сильно снижалась уже у второго поколения горожан-татар. Родителям, бывшим сельчанам, было трудно обосновать (кроме как эмоциональной привязанностью) важность национальной культуры и языка рационалистически настроенным детям, успех социального продвижения которых зависел от знания русского языка и культуры. Ассимиляционные процессы среди городских татар, сопровождающиеся нигилизмом по отношению к национальному, спровоцировали появление темы "манкуртизма"⁷⁷ в республиканской прессе в период этнического ренессанса. Эмоциональность подачи этой темы в прессе свидетельствует о болезненном переживании ситуации оспаривания тотальности этнической реальности группой этнически ориентированных татар.

Наблюдения в ходе этносоциологических опросов показали, что русскоязычные татары второго и далее поколений ориентированы, в большей мере, на русскую и западную культуру, и мало интересуются национальной культурой. Авторы публикаций в республиканской прессе, размышляющие о причинах равнодушия к национальной культуре среди русскоязычных татар и особенно, молодежи, видят причину в ее отсталости и неконкурентоспособности. Молодой писатель А. Хаиров в статье "Манкурт или "потерянная нация" писал:

"Если экономическая культура нации узнается по совершенству экспортируемой техники, то духовная - по экспорту литературы ... Пропасть, допустим между современной татарской литературой и американской, очевидна. Можно ли сравнивать "Белые цветы"⁷⁸ и "Над пропастью во ржи"? Я не берусь! ... Все большие и маленькие литературы представляют одно целое, что-то вроде реки. Татарская литература - это литература первичных, полуязыческих символов, находится далеко от фарватера, в затоне, где под водой идет тихая, размеренная жизнь, один старый сом хвалит другого, а подслеповатая щука (читай, критика) скрипит стершимися зубами"⁷⁹.

Другой писатель, З.Хаким пытался рассмотреть эту проблему с точки зрения психологии:

"Теперь ответьте на вопрос: воспитывает ли наша литература, искусство и сегодняшний уклад жизни чувство собственного достоинства в подрастающем поколении татар? Нет! ... тут есть и ответ, почему в театрах, концертных залах, на национальных мероприятиях нет молодежи ... Юность биологически тянется к свету, ей нужен простор и поэтому она не вмещается в залы, где звучит меланхолия, тоска по деревне и однотипные песенки о "сандугач" ("соловей"), "сагындым" ("соскучился") и т.д., молодым наплевать на то, кто виноват в сегодняшней действительности татар, им скучно слушать постоянные жалобы на судьбу и проклятия в адрес русских. Молодежь тянется к сильным, уверенным, обладающим потенцией на будущее ... Молодым не интересна татарская культура, в ней они чувствуют душевный дискомфорт".⁸⁰

Другой причиной, на наш взгляд, является характер экзосоциализации, которая у татар-горожан проходила на русском языке, на основе русской культуры и ее "значимых других". Именно на этой основе конструировался первый мир индивида и затем находил свое подтверждение в ходе вторичной социализации и дальнейшей жизни. Этот мир для него более знаком и комфортен. Русскоязычные татары-горожане чаще вступают в межнациональные браки с русскими, что ведет к полной ассимиляции.

Сегодня у определенной части русскоязычных татар, в какой-то мере, сохраняется система ориентаций, которая включает в себя комплекс ценностей советской эпохи (патернализм, интернационализм и т.д.) Другая часть ориентирована на модернизационные западные ценности. Соответственно, представители этой группы включены в современные виды производства, наукоемкие сферы деятельности, знакомы с передовыми технологиями. Это та часть татар, для которых модернизация осуществилась, но не на основе национальной «высокой культуры», а на базе, прежде общесоветской, а теперь общероссийской «высокой культуры» на основе русской культуры и языка. Именно поэтому модернизационный дискурс татарского национального движения лишен для них такой притягательности, как для татар - сельчан. Однако, это не мешает русскоязычным татарам проявлять интерес к этнической истории и культуре, сведения о которых они черпают из русскоязычной прессы.

Инерция невключенности татарской культуры и языка в модернизационные процессы, начиная с советского периода, дает о себе знать и в период этнического ренессанса. Информационное поле, отражающее социально-экономическую, законодательно-правовую и политическую жизнь Татарстана, основано, в большей мере, на русском языке. Весьма показателен факт, демонстрирующий приоритеты русскоязычной и татароязычной прессы. Так две одноименные республиканские информационные газеты преобразовались, примерно в один и тот же период (1996 г.): «Известия Татарстана» - в газету «Время и деньги»; «Татарстан хабәрләре» в газету «Мэдэни жомга» («Культурная пятница»). На 1 января 2001г. тематический рейтинг изданий, выходящих на татарском и русском языках, выглядит следующим образом⁸¹:

Таблица 2.

Тематика периодических изданий	Количество изданий		
	на русском языке	на татарском языке	На обоих языках
1. Газеты производств. и учебных заведений	59	9	0
2. Экономика, собственность. бизнес	50	0	1
3. Рекламно-информационные	40	1	10
4. Общегородские и районные	25	14	30
5. Досуговые	24	1	0
6. Культура, образование	20	22	4
7. Здоровье. медицина	12	1	2
8. Социальная сфера	14	2	1
9. Молодежные	14	8	0
10. Религиозные	5	3	3
11. Законодательство и право	6	0	5
12. Политические партии	6	2	2
13. Семья, быт	1	5	0

Сама по себе деятельность русскоязычных и татароязычных СМИ в республике может служить индикатором степени включенности национальной культуры в модернизационные процессы. В своих исследованиях специалисты по СМИ приходят к выводу о том, что концепция татароязычных СМИ поддерживает и развивает культурный традиционализм. На эту стратегию влияют берущие начало с революционных времен профессиональные традиции, определяющие ее просветительский журнальный характер и традиции советской эпохи.⁸² Данные Таблицы 2 красноречиво иллюстрируют этот тезис. В то время как русскоязычные газеты чаще обсуждают проблемы, связанные с социально-экономическим развитием республики, формированием в ней гражданского общества. На мой взгляд, это обстоятельство обусловлено рядом причин. Первая из них состоит в том, что национальная интеллигенция стремится достроить образовательную пирамиду татарской "высокой культуры", а это связано с обсуждением проблем языка, культуры и национального образования. Вторая причина обусловлена политической конъюнктурой, то есть стратегией республиканской власти, заинтересованной в поддержании этнического фактора в качестве политического ресурса. «Верность традиции» обусловлена не только социальным происхождением татароязычных журналистов, но и узостью рынка предложений для них. Татароязычных изданий мало, они неконкурентоспособны, большинство из них поддерживается государством. Отсутствие у журналиста лояльности по отношению к «традиционной» стратегии редакции может обернуться для него потерей места работы.

* * *

Таким образом, в информационном поле современного Татарстана сосуществует несколько дискурсов. Татароязычная пресса транслирует, наряду с национально-модернизационным дискурсом, центристски ориентированный .с элементами менталитета советской эпохи, общетатарстанский дискурс властной элиты. Ее аудиторией являются в большей мере татары-сельчане и горожане первого поколения, национальная интеллигенция.

Русскоязычная пресса также содержит общетатарстанский дискурс правительственных структур; оппозиционный ему, промосковский дискурс Центра; национально-модернизационный дискурс; дискурс, ориентированный на постмодерн. Ее читают и русские, и татары.

Сегодня, на включенность социальных групп в тот, или иной из представленных дискурсов, вырабатываемых республиканскими СМИ, оказывают влияние, по крайней мере, два фактора. Фактор владения русским или татарским языком, и фактор интереса. В самом выгодном положении оказываются татары, владеющие и татарским, и русским языками. Для них все информационное поле, создаваемое республиканской прессой, является прозрачным. Для русских и русскоязычных татар существенная его часть остается закрытой. Испытывают ли они ущемление? Если принять во внимание фактор интереса, то наверное, нет, поскольку, как я уже говорила выше, существующие сегодня дискурсы татароязычной прессы для них малоактуальны. Для татароязычных татар-сельчан и горожан первого поколения не стали еще «своими» дискурсы современной модернизации и «постмодерна». Поэтому корректнее было бы говорить об автономности или наложении фрагментов всех представленных дискурсов. Условно названные мной: национально-модернизационный; общетатарстанский; оппозиционный республиканскому; и «постмодерн» - дискурсы актуализируются в сознании читателей в зависимости от систем идентичностей, обусловленных конкретными социально-экономическими и этнокультурными детерминантами их жизнедеятельности.

Тем не менее, конструктивистская деятельность СМИ в формировании республиканской и этнической идентичности будет стимулироваться республиканской властью. Но здесь многое будет зависеть от того, кто будет выступать учредителем (собственником) СМИ. Как правило, наиболее активными участниками в формировании этнической (татарской), или общетатарстанской (гражданской) идентичности являются издания, выходящие на русском и татарском языках, учредителями которых выступает государство, то есть республиканская власть. Очевидно, что деятельность этих СМИ идет по общепринятому правилу: «кто платит деньги, тот и заказывает музыку». Влияние рыночной экономики становится все ощутимее. В самом деле, ситуация сегодня такова, что практически ни одно издание, выходящее на татарском языке, не является рентабельным в силу ряда причин. Это: некредитоспособность населения; отсутствие подготовленных специалистов в сфере издательского менеджмента и рекламного рынка. Поэтому татароязычные издания пока не способны выжить без помощи государства. Другая причина связана с тем, что рынок труда татароязычных журналистов ограничен границами республики. И они, в силу этого, «привязаны» к своему изданию. Отсутствие конкуренции и выбора не способствуют профессиональному росту.

Однако, есть и исключения. Конкурентоспособность газеты «Татарстан яшьляре» свидетельствует о ее востребованности. Шансы приумножения ее аудитории подкрепляются тем, что развитие национальной школы и высшего образования на татарском языке в республике уже сегодня начинает приносить свои плоды: увеличивается число татароязычных татар-горожан. Но здесь важно, насколько это, или такого рода издания будут способны реагировать на вызовы времени.

Заключение.

Детальное исследование процесса формирования этнической идентичности, как составной части региональной, республиканской идентичности в Татарстане показало успешность конструктивистской деятельности элиты. Однако, она была бы неосуществима без «почвы», когда этнические ценности, культура и язык растворены в повседневности. Когда для каких-то групп они являются частью «хабитуса» (по Бергеру и Лукману), а их представители не могут не отстаивать их, поскольку все это – часть их биографии. Мы смогли убедиться и в том, что часть современных татар ощущает неравенство, несмотря на то, что по социально-экономическим показателям они идентичны с русскими в Татарстане, да и по России в целом.⁸³ Асимметричность статусов «высоких культур» болезненно переживается многими из тех, для кого татарская культура была родной, а ее язык – «материнским» языком. Сходный опыт и недовольство, сложившейся ситуацией способны объединять людей в сообщество на основе ярко выраженной этнической идентичности. Конфронтационность, или комплиментарность гражданской и этнической идентичностей, величина дистанции между ними зависят не только от субъективных (политика российской и республиканской власти), но и от объективных причин. От того, насколько адекватно будет реагировать на вызовы постиндустриального общества культура татар, продолжающая сохранять черты традиционализма.

1

_____ (1990-1991 __, __. _____ .-.); _____
« _____, _____ »
(____) (1993-1996 __, __. _____ .-.); _____ « _____ - _____ » (1999-2000 __, __. _____ .-.); _____: « _____ - _____ »
_____ » (1996-1997 __) « _____ » (2000-2002 __), _____
_____ ; _____ « _____ »

59 _____, 78,1% _____ : _____
_____, - _69.

60 _____, 16.02.2002.
61 _____ (_____)
_____)

62 _____, 21.02.2002.
63 _____, 09.10.2001.

64 _____ (43.3%) _____ (48.5% - _____
_____, 1989_), _____,
_____.

65 _____ 19 _____ 1999 _.

66 _____ h _____ / _____, 3.04.98.

67 _____, 19.12.1997.

68 _____, 3.04.1998.

69 _____ / _____, 29.05.1998.

70 _____ « _____,
_____ » 1993-1996 _., _____.

71 _____ 1990-_-_-_-_-: « _____ », - _252.

72 _____, 1991, _35.

73 _____, 1993, _98-99.

74 _____, 1994, _16-17.

75 _____ 1989 _., _____
_____ « _____ ».

76 _____, 22.07.1997.

77 « _____ »- _____, _____.

78 _____, 1989, _5. - _40

80 _____ / _____, 1996, _1-2, _3.

81 _____, 2001.

82 _____ (_____) / _____ ? _____ 1:
_____, 1999.

83 _____
_____ « _____ » (_____,
1999-2001) _____.